

վեց համեմատական զուգահեռներ գտնել: Հասերևոյթին, զրանք, ինչպես և կարմիր սափորը, թվագրելի են անտիկ ժամանակով:

Սրկու շրջանների կրկնույլան ամրոցների համառոտակի ուսումնասիրությունից մենք հանդել ենք հետևյալ եզրակացություններին.

Կրկնույլան ամրոցները ամենուրեք ունեն իրենց բնդհանուր գծերը (անտաշ, հեղքված բազալտ կամ կրաքարեր, առանց միացնող շագախի շարվածքներ):

Ամեն մի կրկնույլան ամրոց ունի իր առանձնահատկությունները, եաշած վայրին և տվյալ ժամանակաշրջանի ռազմական արվեստի զարգացման աստիճանին: Մտաւոր ժամանակակից այս կամ այն շրջանի ամրոցները ունեն բնդհանուր գծեր (համաշաղիների շրջանի ամրոցների մասերի նմանությունը):

Նշված շրջանների կրկնույլան ամրոցների կառուցման ժամանակի հարցը առայժմ մնում է շուծված հնագիտական նյութեր չլինելու պատճառով: Տանձուտի ամրոցի հետախուզահորից և Գեղամի-աղբյուր (Օրշոնիկիձե) վայրի գաշտից հայտնարելված նյութերը ցույց են տալիս, որ ամրոցները գոյություն են ունեցել մ. թ. ա. II հազարամյակի վերջին և I հազարամյակի առաջին կեսին:

Հետագա մանրակրկիտ ուսումնասիրությունները հնարավորություն կընձեռեն ավելի ճիշտ որոշելու ամրոցների կառուցման ժամանակաշրջանը, նրանց գոյության հարատևությունը և այլ հարցեր:

Գ. ԿԻՔԱՅԵԼՅԱՆ, Ս. ՆՈՒՅԱՆ

ЦЕННЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Институт истории АН Арм. ССР и Матенадаран проводили и проводят большую работу по выявлению, изучению и публикации всевозможных первоисточников, в числе которых памятные записи («гишатакараны») и мелкие хроники XIII—XVIII веков.

Благодаря многолетнему труду члена-корреспондента АН Арм. ССР Л. С. Хачикяна и доктора исторических наук В. А. Акопяна в распоряжении исследователей имеются ценные коллекции гишатакаранов — памятных записей армянских рукописей XIV—XV вв. («Памятные записи армянских рукописей XIV в.», составил Л. С. Хачикян, Ереван, 1950, его же—«Памятные записи армянских рукописей XV века», ч. I, 1955, ч. II, 1958 и ч. III, 1967) и мелких хроник XIII—XVIII вв. («Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», т. I, Ереван, 1951, т. II, 1956, составил В. А. Акопян).

Армянские средневековые авторы, писцы и переписчики после окончания работы над рукописными книгами оставляли чистые листы для всевозможных записей. Авторы книг, заказчики, переписчики, художники-миниатюристы, переплетчики, лица, получавшие книгу как наследство или подарок, на этих чистых листах оставляли свои записи, где указываются их имена, иногда имена всех близких род-

ственников, правителей области, страны, католикоса, шаха, султана. В памятных записях мы находим краткие характеристики правительств и правителей, материального и правового положения населения, быта и нравов. Авторы записей описывают походы, нашествия, рассказывают о стихийных бедствиях, о войнах, голоде, эпидемиях, свирепствовавших в Армении и соседних странах, называя даты, имена, географические пункты и т. д. Исследователь может найти данные о ценах, мерах, весе, а иногда и о торговле, ремеслах, сельском хозяйстве и т. д.

Таким образом, в памятных записях мы находим не только нужные сведения об этих рукописных книгах, не только их «биографию», но и миниатюрную историю времени, данной провинции, а то и страны. Хотя эта «история» весьма кратка и фрагментарна, тем не менее она представляет большую ценность, ибо отражает думы и чаяния участника, свидетеля или современника событий. Если учесть и то, что авторами этих записей являются люди, проживавшие во многих населенных пунктах Армении и Закавказья, а также армянских колониях, рассеянных во многих странах, то будет понятна та роль, которую могут играть гишатакараны в исследовании истории армянского народа и его многогранных связей с другими народами

Значение памятных записей XIV—XV, а также XVI—XVII вв. особенно велико для понимания той эпохи, когда Армения переживала самые тяжелые, казалось, беспросветные времена своей истории, когда страна была превращена в арену непрерывных опустошительных нашествий и войн, когда города, села и монастыри превращались в руины и начался период упадка материальной и духовной культуры. В эти века тяжелый кризис переживала также историография, некогда прославившая армянскую культуру. В течение трех веков на горизонте армянской историографии появляется лишь один историк. Вот почему памятные записи, которые появлялись в Армении, Грузии, Азербайджане, на Руси и Польше, в Иране и Турции, Италии и Византии, в Крыму и на Балканах, приобретают особую ценность. Памятные записи армянских рукописных книг—это откровенные и простые высказывания мыслей сотен переписчиков, каллиграфов, художников, ремесленников, торговцев и грамотных служилых людей. Положение этих слоев армянского народа было невыносимым, они испытывали всю тяжесть социального и национального гнета.

Авторы памятных записей обращали особое внимание на политические события. Многочисленные свидетельства памятных записей и хроник являются важными источниками для внешнеполитической истории Армении, Закавказья и Ближнего Востока и позволяют, в частности, проследить события многовекового татаро-монгольского господства. Они могут быть широко использованы историками как армянского, так и других народов.

Приведем несколько выписок из памятных записей.

В гишатакаране 1314 г. один переписчик с грустью говорит о положении армянского народа при «монгольском хане Хармадане, в трудное и горькое время, когда армянский народ был подавлен тяжестью налогов, не имел надежды получить помощь...» («Памятные записи XIV в.», т. I, стр. 230). Другой автор записи от 1391 г. оповещает о «злом времени» Тамерлана, когда люди покидали родные края, скрывались «на вершинах гор», умирали от голода или становились скиталь-

цами, искавшими убежище на чужбине» (там же, стр. 587). Авторы записей не ограничиваются общими словами, они указывают место и время событий. Так, переписчик Саркис в своей пространной памятной записи от 1401 г. рассказывает о трехкратном нашествии Тамерлана на Армению, о его нападении на Грузию, когда было угнано в плен 100 тысяч человек, до основания разрушены церкви; при этом отмечается, что нападение удалось благодаря помощи «предателей» — грузинских князей («Памятные записи армянских рукописей XV в.», ч. I, стр. 57). Как в этой, так и в других памятных записях отражается народная ненависть к завоевателям и чувство сострадания в отношении поработанных народов.

В гишатакаранах имеются сведения о дружбе, взаимопонимании и взаимопомощи армянского и грузинского народов. Так, переписчик Аствацатур пишет, что он со многими армянскими беженцами нашел приют в северной Армении, находящейся под властью Грузии, а другие — в самой Грузии, и это в то время, когда Шахрух со своими жестокими ордами «причинял Армении бесчисленные и неопишуемые разрушения» (там же, стр. 485).

В гишатакаранах встречаются имена царей, правителей, духовных и светских деятелей, о которых мало или почти нет других источников. Вспомним хотя бы одного из них — Ходжи Мирака, ставшего жертвой фанатической черни. О Мираке пишут итальянские авторы как о посланнике Узуна Гасана в итальянские государства. Мирак был известен как друг грузин, и мы полагаем, что он и был первым грузинским послом, отправленным к московскому царю Ивану III в 1483—84 гг. Об этой интересной личности в памятных записях встречается несколько упоминаний (т. II, ч. III, стр. 80—82, 83, 109).

В гишатакаранах мы находили важные упоминания также о духовной жизни общества, о науках, литературе, искусстве, школах, где работали такие выдающиеся люди, как Григор Татеваци, Акоп Кримеци, Матеос Джугаеци, Тома Мецопеци, Мкртич Нагаш, Аракел Багишеци. Часты сведения о культурной жизни в ар-

мянских колониях, где было много ученых, авторов книг и переписчиков, а также школы, скриптории, где знали цену и значение рукописных книг. В памятных записях отражалась не только жизнь колоний, их связи с родиной, но и связи колонистов с населением данной страны. Довольно подробно освещается положение армянской церкви, духовенства, монастырского хозяйства, перемещения престола католикоса из Сиса в Эчмиадзин. Вместе с тем авторы записей нередко критикуют церковников-сребролюбцев, продающих духовные звания и должности за деньги и не заботящихся о народе.

Невозможно перечислить все проблемы, по которым можно найти материалы в четырех огромных книгах записей. Их исследователь в своем обстоятельном введении (которое скромно названо «предисловием») классифицирует и характеризует записи как источники истории, с помощью их скрупулезного анализа воссоздает контуры исторической жизни народа и страны в XIV—XV вв.

Теперь о мелких хрониках XIII—XVIII вв.

В армянских рукописях часто встречаются хроники, которыми увлекались не только историки, но вообще грамотные люди, желавшие изложить как свои исторические знания, так и события своего времени. Эти хроники, составленные в разных странах и в разные времена, представляют такой же большой интерес, как и памятные записи.

Составитель справедливо замечает, что с XI в. хроники и летописи все больше заменяют бывшие крупные исторические произведения, для появления которых в Армении не было благоприятных условий. В XIII—XVI вв. среди армян не было историков в классическом смысле этого слова; не было большой разницы между историками (М. Айриванци, В. Аревелци) и хронистами (С. Анеци и Хетума). В. Акопян собрал, изучил и опубликовал полную коллекцию мелких хроник XIII—XVIII вв. В 1951 г. был издан I, а в 1956 г.—II том сборника, куда вошли 97 хроник, из коих 70 появились в печати впервые, причем 27 переизданных хроник были исправлены и уточнены на основании глубокого всестороннего изучения

первоисточников, снабжены обстоятельными предисловиями и подробнейшими комментариями.

Хроники, как и памятные записи,—творчество многих людей, которые кратко, сухо и точно излагают события прошлого и своего времени, иногда имея под рукой другие хроники—ныне существующие или пропавшие. Некоторые из хронистов излагают подробности, стараются раскрыть причины исторических событий, дать им соответствующую оценку.

Чтобы издать эти хроники, составителю нужно было провести огромную скрупулезную работу в рукописных фондах архивов и библиотеках Советского Союза, использовать сотни книг по арменоведению и всеобщей истории для уточнения дат, характеристики событий и личностей, дать предисловие каждой из 97 хроник, комментировать, выяснить время составления хроники, биографические данные автора и т. д. Со всеми задачами автор прекрасно справился, создав исчерпывающий научный аппарат, объем которого часто превышает объем хроники и поднимает его научное значение. Каждая хроника, ее введение и примечания являются самостоятельной тщательно подготовленной к печати публикацией, о которой, кажется, ничего дополнительно не скажешь, будь то с точки зрения текстологии, источниковедения или историко-филологической. Приведенные в примечаниях и введениях дополнительные данные, как и добросовестно составленные словарь иностранных и малоупотребляемых слов, предметный, именной и географический указатели облегчают использование материалов хроник в научных исследованиях по истории, филологии, истории искусств.

Не имея принципиальных возражений в отношении положений исследователя, изложенных в предисловии первого тома, нам хочется выразить несогласие с оценкой мелких хроник как исторических источников. В. А. Акопян слишком резко противопоставляет их историческим произведениям и отчасти недооценивает хроники, в которых будто нет осмысления событий, оценки исторических личностей и т. д.

В одной статье невозможно показать значение хотя бы важнейших хроник, но

хочется все же кое-что сказать. Хронисты часто начинали свои записи не с того, что сами видели или о чем слышали, а с хронологии древних времен — на основании других текстов исторических повествований, исходя из того, что больше их интересовало. Они не ограничивались рамками истории Армении, но иногда охватывали древнюю и средневековую историю Востока и Запада. Как бы ни были конспективны эти хроники, они имеют определенное значение для уточнения и сверки ряда дат всеобщей истории, имен исторических деятелей, выяснения частных событий, для понимания своеобразия их восприятия армянскими авторами. Значение хроник заключается еще в том, что они сохранили ряд данных других первоисточников, которых теперь нет.

Ряд хроник интересен для изучения вопросов истории эпохи феодализма вообще. Так, хроника армянского царя Хетума II озаглавлена «Краткая история времени, собранная из разных историй, т. е. армянской, франкской, греческой, ассорийской» («Мелкие хроники», т. I, стр. 74).

Чтобы представить широту охвата стран и городов, достаточно будет перечислить ряд названий, часто встречающихся в текстах: Адрианополь, Аккерман, Александрия, Алеппо, Амстердам, Анкара, Антиохия, Астрахань, Багдад, Баку, Бар, Вавилон, Вена, Венеция, Григориполь, Дамаск, Дербент, Ерусалим, Исфahanь, Каффа, Каменец-Подольский, Киев, Константинополь, Краков, Львов, Мекка, Москва, Рим, Самарканд, Сарай, Себастья, Силистрия, Сурхат, Тавриз, Тбилиси, Трапезунд, Флоренция, Хорезм, Хорин, Шемаха и др. Вот и упоминания государств и стран: Австрия, Англия, Арабия, Болгария, Венгрия, Валахия, Германия, Грузия, Двуречье, Индия, Испания, Италия, Крит, Крым, Мальта, Молдавия, Персия, Польша, Россия, Турция, Украина, Франция. Понятно, что здесь можно найти массу важных или второстепенных новостей об этих странах, о связях армян с этими странами и городами.

Большой интерес представляет хроника Давида Мердинци для истории борьбы племен Каракоюнлу и Аккоюнлу во второй половине XV в. Она важна особенно потому, что этот период очень мало

отражен в первоисточниках. Важным источником об освободительном движении народов Закавказья является хроника Иоанеса Цареци, в которой автор отчетливо выражает свои симпатии к героической борьбе грузинского народа против иноземного ига (т. II, стр. 240 — 250). Много ценных свидетельств об экономической, военной и политической истории Персии, Турции, Крыма, Кавказа.

Для иллюстрации богатства хроник важными историческими фактами нам хочется несколько подробнее остановиться на небольшой хронике Хачатура Кафаеци. Как установил В. А. Акопян, Х. Кафаеци родился в 1592 г. и умер в 1658—59 гг. Его хронология начинается в 1608 г. и кончается 1656 г. Он был современником, а во многих случаях и очевидцем описываемых им событий. Хронист под 1617 г. пишет, что кафинский паша с десятью каторгами (кораблями) пошел на русских и был там убит (т. I, стр. 208). В 1621 г. Девлет-Гирей хан был в походе в стране Горела (В. А. Акопян полагает, что это местечко должно быть на Юго-Западной Украине. Нам кажется, что Горел — это искаженное слово король, а страна Горела или короля — это Польша, куда и пошел Девлет-Гирей и откуда татары привели много пленных, в числе которых и 50 польских армян. Кафаеци пишет, что из-за небывалого мороза погибло много пленных, а также аскеров (т. е. турецких солдат) и татар. В июле того же года вторично на Польшу пошли султан Осман II и Крымский хан Джанибек, которые, потерпев поражение, «позорно вернулись домой» (стр. 210). Далее были голод, недовольство и восстание против султана, которого закидали камнями и убили (стр. 211), «на его место стал Мустафа, которого в 1623 г. сменил Мурад IV» (стр. 213). Часто хронист упоминает о походах русских казаков на крымские и турецкие города, а также о набегах татар на Россию, Украину, Молдавию. Особый интерес представляет та часть хроники Кафаеци, в которой говорится о борьбе за Азов между турецко-татарскими войсками и казаками, овладевшими Азовом в 1637 г. Он пишет, что в 1640 г. в Каффу прибыли на каторгах (хатрха) и чайках (хайрха) турецкие и

татарские войска, а с ними и паша и бей-лерби из Урумели (т. е. Европейской Турции), имея с собой солдат из Молдавии и других стран. Они пошли на Азов, старались взять крепость, потеряли много войск, но, потерпев поражение, вернулись обратно (стр. 223). Аналогичные данные сообщает Кафаеци о войне за остров Крит, за украинские города, где были значительные армянские колонии, в одинаковой мере терпевшие огромные урны вследствие турецко-татарских набегов. Так, хронист пишет, что в 1649 г. хан Ислам Гирей пошел на Горела (т. е. на короля, на Польшу) со множеством войск, взял города, учинил разрушения, убытки всем, в том числе армянам, угнал многих в плен, сажал их в тюрьмы и за освобождение брал большой выкуп. Среди пленных были члены семьи Потоцких — князей Бара (стр. 225). Далее автор пишет о походе татар, а также Богдана Хмельницкого на Польшу. В хронике Кафаеци очень много материала о внутренней жизни городов Крыма, об их социально-экономическом

положении, о стихийных бедствиях, о связи крымских армян с Арменией.

Заканчивая наш краткий обзор, нам хочется особо отметить, что, к сожалению, до сих пор как армянскими, так и в особенности русскими учеными недостаточно использованы памятные записи и хроники, в которых много интересных сведений о положении в Закавказье и на Ближнем Востоке в 20-х годах XVIII в., т. е. в период освободительной войны народов Закавказья против чужеземного ига и Каспийского похода русских войск.

Нам кажется также, что необходимо собрать и опубликовать оставшиеся до сих пор неисследованными хроники XIII — XVIII вв. На русский язык следует перевести все те памятные записи и хроники (как мелкие, так и крупные, изданные давно и ставшие библиографической редкостью), в которых содержатся материалы по истории народов Советского Союза и зарубежных стран.

В. ВОСКАНЯН